

2950 а

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЕКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИССП

М. ВЕЛИКОВСКИЙ и И. ЛЕВИН

974
164

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

ХРЕСТОМАТИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В
БУРЖУАЗНО - ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И В ЭПОХУ
ИМПЕРИАЛИЗМА

1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА
СЕКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

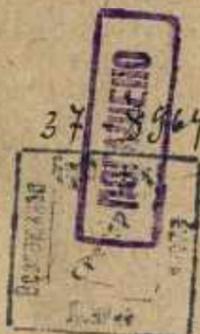
974
164
М. ВЕЛИКОВСКИЙ и И. ЛЕВИН

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

ХРЕСТОМАТИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

30-98055

1 9 3 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

СМ

ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОЛЕТАРИАТ

Против последовательной революционно-марксистской программы по национальному вопросу, защищаемой русскими большевиками во главе с Лениным и Сталиным, выступали не только сторонники «австрийской» школы. Не менее энергично боролись против нее и «слева» противники права наций на самоопределение. Эта позиция была представлена польской социал-демократией во главе с Розой Люксембурге. Еще на II съезде РСДРП польские с.-д. отказались принять § 9 программы РСДРП, признающей право на самоопределение, и ушли со съезда. Борьба по этому вопросу продолжалась и во время империалистической войны и во время Февральской революции (см., например, выступление т. Дзержинского на апрельской конференции РСДРП(б) 1917 г.). Традиции люксембуреванства в национальном вопросе сохранились в течение довольно долгого времени и в компартии Польши. Несмотря на казнуирова «революционность», отрицание права наций на самоопределение было, как показал Ленин, «национализмом навыворот», что в свою очередь сближало позицию ПСД с позицией Бунда и других националистических партий (см. ст. Ленина «Критические замечки и «О праве наций на самоопределение»). Ленин неоднократно подчеркивал революционные стороны ПСД, говорил о их преданности делу социализма (если бы мы думали иначе, мы поставили бы на очередь дня не теоретическую дискуссию с с.-д. Польши, а беспощадную борьбу с ними, как шовинистами, т. XIX, с. 189); но в то же время указывал на основную их ошибку в национальном вопросе, неумение применять историко-конкретный анализ. То же относится и к Р. Люксембурге, о которой Ленин писал: «Розу Люксембурге нельзя конечно приравнять к Либманам, Юркевичам, Семковским, но тот факт, что именно подобные люди допустились за ее ошибку, доказывает с особенной наглядностью, в какой оппортунизм она спала» (т. XIX, с. 148).

Роза Люксембурге неоднократно писала о национальном вопросе. В наиболее развернутой форме она изложила свои взгляды в своей работе под заглавием «Национальный вопрос и автономия», напечатанной в журнале ПСД «Przebieg Socjaldemokracji» за 1908 и 1909 гг., откуда мы и заимствовали приводимые ниже две главы, вторые появившиеся на русском языке.

Национальное государство и пролетариат

То обстоятельство, что социалисты должны рассматривать национальные вопросы только с точки зрения классовых интересов пролетариата, само по себе еще не есть разрешение проблемы. Влияние научного социализма на формирование рабочего движения косвенно выражается в том, что в настоящее время нет такой социалистической и рабочей партии, которая не восприняла бы если не способ мышления, то по меньшей мере терминологию марксизма. Самым выдающимся примером тому является современная российская партия «социалистов-революционеров», теории которой, поскольку можно о таковой говорить, состоит по меньшей мере из такого же количества элементов, одолженных у марксизма, сколько и из элементов, полученных в наследию от народничества и Народной Воли. Так и все социалистические группы мелкобуржуазного или националистического толка в России благоговейно перед своими политическими химерами исключительно «в интересах пролетариата и социализма». Особенно же отличился обанкротившийся в настоящее время польский социал-патриотизм по сравнению с вавилым, патриархальным, скажем, национализмом г. Лимановского: в то время как «прямодушный» господин Лимановский не называл по крайней мере везде имени Карла Маркса, социал-патриотизм уже наперед выдал своей программе удостоверение в духе марксовской терминологии, как «классовому интересу пролетариата».

Однako ясно, что механическое включение в программу социалистической партии еще не разрешает вопроса о классовом характере того или другого ее требования. То, что та или иная партия считает «классовым интересом» пролетариата, может оказаться только интересом кажущимся, выведенным путем субъективного рассуждения. Очень нетрудно, например, доказать, что интересы рабочего класса требуют установления в законодательном порядке минимальной заработной платы. Такой закон охранял бы рабочих от давления конкуренции наиболее отсталых районов, обеспечил бы некоторый минимальный жизненный уровень и т. д., и т. д. Подобное требование уже неоднократно и необдуманно выдвигалось среди социалистов. Но оно до сих пор не принято большинством социалистических партий по тому правильному соображению, что всеобщее нормирование заработной платы в законодательном порядке при современных анархистских собственническо-экономических отношениях — чистая утопия: заработная плата, как и цена всякого товара в капиталистическом строе, устанавливается под действием «свободной конкуренции» и стихийного течения капитала. Поэтому законодательное регулирование заработной платы достижимо лишь в исключительных

тесно ограниченных сферах, например в отношениях между общиной и понимаемыми ею рабочими. И поскольку общая, регулируемая в законодательном порядке минимальная заработная плата находится в противоречии с ходом капиталистических отношений, мы должны признать ее, — вопреки целой сети логических доказательств в ее защиту, — лишь фиктивным интересом пролетариата, а не действительным.

Таким же образом можно совершенно абстрактно перечислять всевозможные «классовые интересы» пролетариата, которые оставались бы в социалистической программе лишь пустой фразой. И чем больше прикинуло к рабочему движению чуждых социальных элементов, из-за банкротства буржуазных партий, оставшихся без политического крова, именно интеллигенция и мелкой буржуазии, тем сильнее тенденция к подсовыванию социалистической партии этими набежавшими элементами под видом классовых интересов пролетариата всевозможных неосуществимых стремлений и благочестивых пожеланий. Если бы у социалистических партий не было никакого объективного мерила для проверки того, что действительно отвечает классовым интересам пролетариата, и они руководствовались бы лишь тем, что можно выдумать на пользу и благо родины, то программы социалистов оказались бы пестрым собранием всевозможнейших субъективных и часто абсолютно утопических пожеланий.

Стоя на исторической базе, на базе капиталистического развития общества, современная социал-демократия выводит не только свои конечные цели, но и частичные интересы, требования пролетариата на сегодняшний день не из субъективных соображений о том, что «хорошо» или «выгодно» пролетариату, но в самом объективном развитии ищет она и подвергает тщательному расследованию подлинные интересы рабочего класса как материальные средства для осуществления этих конечных целей. И с этой-то точки зрения и следует рассматривать также основные формы разрешения национальной проблемы, напрашивающиеся из исторических примеров и вместе с тем отвечающие лозунгам, находящимся в обращении в социалистических кругах.

В первую очередь остановимся на идее национальной государственности. Для того, чтобы оценить эту идею с точки зрения принципиальной, следует прежде всего искать в ней эту историческую сущность, посмотреть, какое материальное содержание кроется под этим облачением.

В статье своей о национальной борьбе и программе австрийских социал-демократов, опубликованной лет 10 тому назад в «Neue Zeit», Баутский перечисляет три фактора, являющиеся по его мнению «корнями современной национальной идеи», рост которой «сопровождает по всей Европе возникновение современного государства». Эти факторы суть: «стремление буржуазии обеспечить за собой внутренний рынок сбыта своей товарной продукции, затем стремление к политической свободе, к

демократии, и наконец распространение литературы и народного просвещения в массах».

Уже из данной формулировки теории Баутекого явствует прежде всего его основное положение, а именно взгляд на национальную проблему, как на историческую категорию. В цитированном положении национальная идея теснейшим образом связана с определенной эпохой современного развития. Заинтересованность буржуазии в рынках, демократические движения, народное просвещение — все это типические проявления буржуазного общества.

Конечно здесь идет речь не о национальности, как об определенной этнографической и культурной группе; в качестве таковой национальность очевидно не совпадает с буржуазной фазой, и национальные особи возникли много веков до этой фазы. Но коль скоро заходит речь о национальных движениях, как проявлении политической жизни, о стремлении создать так называемое национальное государство, то связь их с буржуазной эпохой уже не подлежит сомнению. История национального объединения Германии — тому типический пример, так как ядром, вокруг которого выкристаллизовалась позднейшая Германская империя, были те немецкие таможенный союз и таможенный парламент¹, адвокат которых Фридрих Лист² со своей тривиальной теорией национальной экономики (быть может, с неизмеримо большим правом, нежели обычно называемый первым апостолом национального возрождения в Германии — идеалист Фихте³), может быть назван действительным мессией национального единства Германии.

«Национальное» движение, во времена Фихте увлекшее немецкие «массы и князей», герольдами которого были псевдореволюционные буршенштафты⁴, несмотря на горячие симпатии самого Фихте к Великой французской революции по существу являлось лишь реакцией средневековья против запесенных Наполеоном в Германию семян революции и против элементов современного буржуазного строя. И действительно, душный романтический ветер «национального возрождения» утих и за-

¹ «Таможенный союз» с 1834 г. объединил все германские государства, за исключением Австрии, а с 1854 г. также и Австрию, выражая неодолимую тенденцию развивавшегося капиталистического хозяйства Германии к аннулированию искусственных перегородок между мелкими германскими государствами. Таможенный парламент был образован после австро-прусской войны 1866 г. как законодательный орган по таможенным и смежным вопросам в составе северо-германского рейхстага и депутатов государств Южной Германии.—*Сост.*

² Лист — немецкий экономист, идеолог крайнего протекционизма.—*Сост.*

³ Фихте — известный немецкий философ-идеалист; его «Речь к немецкой нации», произнесенные после разгрома Пруссии Наполеоном, были одним из первых произведений идеологии германского национального объединительного движения. —*Сост.*

⁴ Союзы студенческой молодежи.—*Сост.*

молчал, лишь только Германия победоносно вернулась к состоянию феодального раздробления и предмартовской реакции. Евангелие же агента немецкой промышленности Листа в 30-х и 40-х гг. поддерживало идею «национального возрождения на началах буржуазного развития, на торговле и промышленности, на теории «внутреннего рынка». Материальной основой того патристического движения, которое в Германии 30-х и 40-х гг. XIX века вызвало такое сильное движение — политическое, научное, философское, литературное, — была прежде всего необходимость объединения немецкой территории, раздробленной на несколько десятков мелких феодальных княжеств, разделенных таможенными и налоговыми барьерами, в одно большое и единое капиталистическое «отечество» — достаточно широкую базу для крупнопромышленного машинного производства.

История торговопромышленного объединения Германии так тесно переплетена с судьбами ее политического объединения, что история Таможенного союза, отражающая все политические повороты и приключения в жизни Германии, в свою очередь совершенно органически и с полной непрерывностью переходит в историю рождения современной Германской империи. В 1834 г. рождается Таможенный союз, объединяющий вокруг Пруссии 17 более мелких государств, к этому союзу постепенно примыкают одно за другим и остальные государства, Австрия же всеми средствами остается вне союза, пока шлезвиг-гольштинская война окончательно не разрешает дело в пользу прусских планов. В 1867 г. последнее возобновление Таможенной унии становится очень скоро излишним, ввиду новой государственной унии¹, а Северо-германский союз после франко-прусской войны уступает свои таможенные права и обязанности в наследство новообразовавшейся империи: на месте Таможенного союзного совета и таможенного парламента возникает союзный совет (Bundesrat) и имперский парламент (Reichstag). В этой выразительной картине новой истории Германии отлжно отражается действительная экономическая основа современных национальных государств.

Правда, аппетит капиталистической буржуазии к рынкам сбыта «своих» товаров обладает такой гибкостью и растяжимостью, что всегда обнаруживает тенденцию к захвату в свое владение всего земного шара. Но именно сущность современной буржуазной «национальной идеи» характерна тем, что буржуазия каждой страны прежде всего рассматривает «собственный народ», собственное «отечество», как нечто, от природы предназначенное и призванное к выполнению роли рынка сбыта ее товаров, самим богом Меркурием отданное в ее исключительное владение. Так по крайней мере складывается национальное движение там, где капита-

¹ После прусско-австрийской войны 1866 г. образовался Северо-германский союз с гегемонией Пруссии.—См.ст.

листическое развитие идет «нормальным» путем, без скачков, т. е. там, где продукция на местный рынок предшествует обширной по масштабу продукции на экспорт. Именно это и наблюдалось в Германии и Италии.

Тем не менее было бы ошибкой принимать формулировку Каутского в буквальном смысле, т. е. будто материальной основой новых современных национальных движений является исключительно грубая форма аппетита промышленной буржуазии к «отечественному» рынку сбыта своих товаров. Помимо этого последнего условия, хотя в теснейшей с ним связи, полное развитие капиталистической буржуазии предполагает еще ряд других условий: сильный милитаризм, как гарантию неприкосновенности этого же отечества» и как оружие прокладывания путей к мировому рынку; далее оно предполагает определенную, соответствующую единую внешнюю политику, соответственно организованную администрацию, пути сообщения, судопроизводство, школьную организацию, соответствующую финансовую политику, словом, для надлежащего своего развития капитализм требует не только рынков сбыта, но и всего аппарата современного капиталистического государства. Буржуазия нуждается для нормального существования не только в узко экономических условиях производства, но в равной мере и в политических условиях своего классового господства.

Из всего этого следует, что национальной формой национальных стремлений, свойственной классовым интересам буржуазии, является государственная независимость. Национальное государство есть вместе с тем необходимая историческая форма, в которой буржуазия переходит с позиции национальной борьбы на позицию агрессии, с охраны и объединения собственной национальности к политике захвата и господства над другими национальностями. Примером могут служить все без исключения современные «национальные государства», практикующие захват соседних или колониальных стран и бесстрашно угнетающие подчиненные национальности.

И только после этого становится понятным парадоксальное с точки зрения общераспространенной идеологии «национального государства» явление, что буржуазия допускает одновременно национальное движение, направленное к объединению и охране собственной национальности и угнетению чужой. Особенно яркий пример этому дает позиция германской буржуазии по отношению к польской проблеме в 1848 году. Как известно, во время революции и тогдашних особенно бурных проявлений националистического патриотизма Карл Маркс со своей группой был единственным прямым защитником идеи независимости польской самостоятельности, но в этом вопросе, как и во всех других, он был гласом вопиющего в пустыне. Итак немецкое «национальное государство» уже с самого начала своего возникновения в действительности вовсе не соответствовало тому, что следовало разуметь под этим понятием с точки зрения националь-

ной, — оно было по существу его пародией. «Национализме» германское государство раздробило проведением австро-германской границы немецкую национальность, одновременно включив в свои границы чужеземные области поляков, датчан и французов.

Еще более бьет пример Венгрии; ее борьба за независимость, в свое время так возвеличенная и воспетая, в которой и наши экспозиты Бем, Высоцкий и Дембинский¹ зомали копыя, рассматриваемая со стороны национальной, была не чем иным, как стремлением к обеспечению классового господства мадьярского меньшинства над страной девяти национальностей и их грубого угнетения. Национальная «независимость» венгров куплена ценой отрыва карпатских словаков от их ближайших соплеменников — судетских чехов, немцев Прессбурга, Темешвара и Семиградь от немцев австрийских, затем ценой фактического отрыва Крещины и Словакии от кроатов и далматских сербов.

Численное соотношение национальностей в Венгрии того времени было приблизительно следующее:

венгров	5 000 000	хорватов	900 000
румын	2 300 000	сербов	830 000
словаков	1 670 000	русин	443 000
немцев	1 500 000		

Тюю же антагонистическою сущностью отмечены национальные стремления чехов. Эти стремления потому вызывают также недоверие со стороны немцев, что отчетливо направлены на отрыв немецкого населения Судетов от немецкого населения альпийских областей, так что немцы под властью короны Вацлава обаялись бы, как меньшинство, в полной культурной и административной зависимости от чехов. Мало того, образование самостоятельного государства чехов и для них самих окажется национальной ампутацией. Их программа базируется на плече запряжки в одну колесницу 5½ миллиона чехов, 3 миллионов немцев и почти ¼ миллиона поляков, а, с другой стороны, вне этого «национального» чешского государства должны остаться 2 миллиона родственных чехам карпатских словаков, предоставленных в будущем на съедение мадьярам. Карпатские словаки громко сетуют на полное пренебрежение их делом, проявляемое чешскими националистами².

Наконец, чтобы не искать примеров далеко, польский буржуазный национализм откровенно направлен как против русин, так и против литовцев. Национальность, находившаяся под таким свирепым

¹ Вожди польского восстания 1831 г. — *Сост.*

² Как известно, после войны 1914—18 г. чешская националистическая буржуазия, стремившаяся к созданию аграрного гинтерланда для сбыта продукции своей промышленности, отказалась от политики «пренебрежения» к Словакии и поглотила последнюю, несмотря на реакую оппозицию всего словацкого народа — *Сост.*

гнетом Пруссии и России, в свою очередь отказывает другим национальностям в праве на самостоятельное национальное существование. По реакционной теории, русины (украинцы), живущие в Галиции, даже не национальность, они лишь «этнографический материал» для возникновения национальности. Через всю историю политического развития Галиции во второй половине прошлого столетия красной нитью проходит борьба с «претензиями» русин, на подавление которых уже с самого начала были направлены автономистские свободы Галиции. И так же враждебно встречена в Польских националистических кругах недавно возникшая идея национального возрождения литовцев.

Этот удивительный обоюдоострый характер буржуазного патриотизма, опирающийся прежде всего не на согласие, а на противоречивость интересов различных национальностей, становится понятным лишь после рассмотрения исторической подоплаки новых буржуазных национальных движений; она не что иное, как стремление к классовому господству; специфической же социальной формой, облекающей это стремление, является современное капиталистическое государство, «национальное» именно в смысле преимущественного господства буржуазии какой-либо определенной национальности над всем смешанным населением государства. Демократические учреждения, народное просвещение, все эти скорее идеологические основные элементы национальной идеи, перечисляемые Каутским, лишь детали современного буржуазного государства, в рамках которого буржуазия получает исчерпывающую возможность осуществлять их в своих интересах. Вот почему независимость и государственное объединение становятся подлинной осью буржуазных движений¹.

Но совершенно иной проблема представляется с точки зрения интересов пролетариата.

Современный пролетариат, как общественный класс, сам является детищем капиталистического хозяйства и буржуазного государства. Капиталистическое общество и буржуазное государство, не в качестве абстрактных понятий, а в качестве тех реальных обликов, какие созданы в каждой стране ходом исторического развития, — таково историческое обрамление, в котором должен жить пролетариат как отдельный класс. Буржуазное государство, безразлично национальное, является той почвой, на которой вместе с капиталистической продукцией, как господствующей формой общественного хозяйства, вырастает и обособляется

¹ Поэтому буржуазные теоретики права в большинстве своем признают независимое буржуазное бытие непременным атрибутом «национальной идеи». Г-да Вильчли и Ко, в качестве идеологов своего класса, дедукцируют собственными методами абстрактных определений и их расчленения всего лишь то, до чего буржуазия, доходит историческим путем в своем стремлении к классовому господству.

рабочий класс. Под этих углом зрения возникает коренное историческое различие между буржуазией и пролетариатом. Буржуазия как класс вырастает и развивается в зоне феодального дворянско-владельческого строя. Стремясь к закреплению торжества капитализма как формы производства, а за собой — положения господствующего класса, она сходит на развалинах дворянского строя современное государство. По мере развития капитализма и господства буржуазии, уже в недрах классового господства буржуазии в свою очередь политически выделяется и пролетариат. Таким образом это государство уже с самого начала является его родной исторической матерью, подобно тому как под скорлупой яйца созревает цыпленок. И при простом историческом рассмотрении, самая мысль о создании современным пролетариатом, как сознающим свои интересы обособленным классом, современного национального государства была бы равносильна мысли, что, например, буржуазия в какой-либо стране стала бы вводить прежде всего феодальный порядок там, где благодаря каким-либо обстоятельствам он развился ненормальным путем или облекся в особые формы, как, скажем, в России. Историко-классовое призвание и задача буржуазии — создание современного «национального» государства; задача же пролетариата сводится к упразднению этого государства как политической формы капитализма, в недрах которой он рождался, для того, чтобы в качестве сознательного класса ввести социалистический строй. Пролетариат, как слой населения, может принимать участие в национальных движениях буржуазии там, где буржуазное развитие требует создания «национального» государства, что наблюдалось, например, в Германии. Но в таких случаях он действует под руководством буржуазии и не в качестве самостоятельного класса с особой политической программой. Национальная программа немецких социалистов в сороковых годах выдвигала две идеи, прямо противоположные положением национальной программы буржуазии: объединение в строго национальных границах и республиканскую форму правления.

Стоя на точке зрения своих основных непосредственных интересов, рабочий класс совершенно иначе относится к национальной программе, чем буржуазия. Заботы об обеспечении «отечественной» промышленности внутренним рынком, о приобретении новых рынков путем захватнической политики, колониальной, милитаристической, путем известной таможенной политики, — все то, к чему стремится буржуазия, создавая «национальное» государство, не может быть классовой задачей сознательного пролетариата.

Пролетариат — законное дитя капиталистического развития — рассматривает последнее и его условия как непремennую историческую предпосылку собственного роста и политического развития. Сама социал-демократия является лишь выражением революционной стороны капита-

листического развития, о котором хлопочет — но в интересах реакции — господствующая буржуазия. Социал-демократия же нигде не почитала своей задачей, например, активную поддержку промышленности, торговли, наоборот, она борется с таможенным протекционизмом, милитаризмом и колониальной политикой, она решительно борется также со всем аппаратом существующего классового господства, его администрацией, судопроизводством, школьной политикой и т. д.

Итак национальная политика пролетариата в корне своем постольку противоположна политике буржуазной, поскольку она по существу является политикой оборонительной, но никогда не наступательной, поскольку она опирается на гармонию интересов всех национальностей, а не на подчинение и угнетение одних другими. Сознательный пролетариат каждой страны нуждается, в интересах своего полного развития, в мирном существовании и культурном развитии своей собственной национальности, но во всяком случае не в ее господстве над другими. Поэтому, под этим углом зрения «национальное» государство, как аппарат власти и захвата чужих национальностей, абсолютно необходимое буржуазии, лишено всякого значения для классовых интересов пролетариата.

Следовательно из «трех корней современной национальной идеи», перечисленных Каутским, с точки зрения пролетариата как класса по-настоящему важны только два последних: демократический порядок и народное просвещение. Необходимые условия политической и духовной зрелости рабочего класса, — это свобода родного языка, беспрепятственное и неограниченное развитие национальной культуры — науки, литературы, искусств, нормальная и нефальсифицированная национальная печать, народная школа, по крайней мере постольку, поскольку она вообще может быть нормальной в буржуазном строе. Рабочему классу абсолютно необходимо, чтобы его национальность пользовалась равным с прочими национальностями в государстве правами как по общедемократическим соображениям, так и хотя бы потому, что политическое пренебрежение какой-либо национальностью используется наилучшим образом буржуазией угнетаемой национальности для маскировки классовых противоречий и мистифицирования собственного пролетариата.

Любители «наилучших» общественных отношений не замечают заметить здесь, что — во всяком случае — вернейшая и совершеннейшая гарантия культурного развития и гражданских прав каждой национальности заключается именно в государственной независимости, именно в национальном государстве, что следовательно интересы пролетариата, в конце концов, пусть и в другом смысле, чем интересы буржуазии, постольку требуют учреждения национального государства. Однако здесь меньше всего идет речь о рассуждениях на тему о том, что есть или могло бы быть «наилучшим» для пролетариата, так как подобные рассуждения лишены ка-

кой-либо цены не только в практическом отношении: ведь, став на почву абстрактных размышлений о том, что могло бы быть «наилучшим» для пролетариата, мы должны были бы с классовой, пролетарской точки зрения неизбежно прийти к выводу, что «наилучшим» лекарством против национального угнетения, как и против всякой другой болезни современного общества, без сомнения является социалистический строй. Утопический метод рассуждения должен привести к утопическому разрешению вопроса при помощи прыжка в «дарство будущего», между тем как речь идет о его разрешении на почве и в границах буржуазной современности.

Но и с точки зрения метода это рассуждение заключает в себе еще другое историческое недоразумение. Рассуждать о независимом национальном государстве, как о несомненной при всяких условиях «наилучшей» гарантии национальной самобытности и национального развития, значит оперировать понятием о национальном государстве, исключительно как абстрактной категорией. Национальное государство, рассматриваемое только с точки зрения национальной, в качестве гарантии и воплощения свободы и независимости, — не что иное, как старая, пошленная тряпка давно прогнившей менцанеской идеологии Германии, Италии, Венгрии, всей средней Европы в первой половине XIX века. — фраза из сокровищницы трухлявого буржуазного либерализма. Буржуазное развитие с того времени отчетливо показало, что современное национальное государство бесконечно реальнее и осязательнее, нежели туманная схема национальной «свободы» и «независимости», что это историческая форма совершенно определенной и много менее привлекательной и менее идеальной ценности. Не свобода и независимость «нации» лежит в основе и сущности современного государства, а классовое государство буржуазии, таможенная политика, косвенные налоги, милитаризм, война и захваты. Прикрыть и прикрасить грубую историческую природу национального государства легким флером чисто отрицательного счастья обладать «национальной независимостью и свободой» — такова была ясная и в свое время выгрынная классовая тенденция буржуазной идеологии. И потому-то достаточно представить себе историко-социальную подоплеку этой спекуляции, чтобы понять, что она находится в прямом противоречии с тем, что может и должно быть классовой позицией пролетариата.

В данном случае, как во множестве других, таким-же детищем буржуазного либерализма выявился его кажущийся антагонист — а н а р х и з м. Принимая со свойственной ему «революционной» важностью фразы либеральной идеологии за чистую монету, анархизм всегда рассматривал национальное государство, совершенно пренебрегая его историко-социальной сущностью — единственно в качестве воплощения «свободы», «воли народов» и тому подобных прекрасных вещей. В 1849 г. Балуни писал о национальных движениях средней Европы следующее: «Первым признаком жизни революции (1848) был крик независимости и

старому гнету, возглас сочувствия и любви ко всем притесняемым национальностям... Долой угнетателей, — раздался крик, точно из одной груди — избавление угнетаемым полякам, итальянцам и всем! Никаких отныне захватнических войн, одну только войну довести до конца, — святую борьбу революции за окончательное освобождение всех народов! Долой искусственные границы, насильственно возведенные конгрессами деспотов на основании так называемых исторических, географических, торговых и стратегических necessities! Не должно быть иных границ, кроме границ природных, установленных справедливостью и в духе демократии, — границ, очерченных самой суверенной волей народов на базе их национальных особенностей. Такой возглас несетя из недр всех народов».

В ответ на эти тирады на тему о национальной независимости и «воле народов» в свое время Маркс писал:

«О действительности здесь вообще нет никакой речи или же, если она и учитывается, то представлена она в качестве чего-то абсолютно достойного презрения, чего-то, созданного искусственно «деспотами и дипломатами». И против этой печальной действительности выступает изреченная воля народа со своим категорическим императивом, с абсолютным требованием «свободы» вообще... «Справедливость», «человечность», «свобода» — могут тысячу раз требовать того или другого: но коль скоро дело невозможно, — оно не осуществляется и остается вопреки всему пустой мечтой... Еще одно слово о «всеобщем братстве народов» и установлении «границ, которые начертит сама суверенная воля народов на основе их национальных особенностей». Соединенные штаты и Мексика — две республики; в обеих господствует «воля народа». Как же случилось, что между этими двумя республиками, взаимоотношения которых, согласно моральной теории, должны были бы основываться на «братстве» и «федерации», вспыхивает война из-за Техаса, и «суверенная воля» американского народа, с помощью храбрых американских добровольцев, взвинула на несколько сот миль к югу границу, «установленную самой природой?»».

Ответы на принципиальные вопросы Маркса ясны: «Национальные государства», даже в форме республики, вовсе не являются ни производением, ни выражением «воли народов», как то гласит фраза из теории либерализма и как вслед за ней повторяет фраза анархизма, — «национальные государства» в настоящее время такое же орудие и такая же форма классового господства буржуазии, как и государства ненациональные, захватнические, и подобно тем имеют те же собственные тенденции к захватам, войне, угнетению, т. е. к тому, чтобы стать «ненациональными». Вот почему между «национальными» государствами существуют постоянно трения и противоречивость интересов, и если бы удалось каким-нибудь

чудом переключить сегодня все государства на «национальные», то завтра же они обнаружат тот же лик взаимной вражды, войны, захвата и угнетения. В этом смысле пример, приводимый Марксом, типичен. Почему, по какой причине между Соединенными штатами и Техасом вспыхнула война? Калифорния оказалась абсолютно необходимой капиталистическому развитию Соединенных штатов, во-первых, как сокровищница золота в самом буквальном смысле, а, во-вторых, как ворота Тихого океана. Лишь после овладения этой окраиной капитализм Соединенных штатов мог распространяться на всем протяжении между двумя океанами, окопаться и открыть выход как на восток так и на запад, в то время как для отсталых мексиканцев речь шла просто о куске земли. Решительное слово было сказано потребностями буржуазного развития, и «национальное государство», «воля народа» в обоготворенной и идеализированной республиканскими анархистами форме оказались добрым оружием захвата в интересах капитализма.

Но еще большее количество ярких примеров этого рода дает новая история Южной Америки. Мы уже говорили об обоюдостром характере «национального» освобождения испанских и португальских колоний в начале XIX века. Но в данной связи любопытно ознакомиться с их политической историей уже в качестве независимых «национальных» государств — этой красочной иллюстрацией к анархистским фразам о «национальной свободе» и «воле народа».

Едва только Бразилия после тяжелой войны с Португалией в 1825 г. приобрела независимость, как еще в том же году вспыхнула война между Бразилией и Аргентиной, тоже совсем незадолго до того сбросившей иго Испании, — из-за провинции Банда Ориенталь, на которую зарилось каждое из новых «национальных государств» и которая в конце концов сама завоевала себе независимость под названием Уругвайской республики, исключительно благодаря военной интервенции европейских колониальных держав. Упорно отказывавшейся признать независимость Уругвая и Парагвая Аргентине был предъявлен Францией и Англией ультиматум, а ввиду упорства Аргентины в 1845 г. вспыхнула война, в которой участвовали Парагвай, Уругвай и Бразилия. В 1850 г. начинается новая война между Бразилией и Аргентиной, причем Бразилия с помощью Парагвая и Уругвая сперва одерживает победу над Аргентиной, а затем фактически подчиняет себе Уругвай. В 1864 г. она снова вооруженной рукой принуждает к повиновению формально «независимый» Уругвай. Этому противится Парагвай и объявляет войну Бразилии, которая на этот раз заключает союз с Аргентиной и Уругваем. Война эта, длившаяся с 1865 до 1870 г., окончательно обеспечивает за Бразилией, в которой господствует не столько «воля народа», сколько воля и интересы кофейных плантаторов, примущественное положение великой державы в Южной Америке. Все эти внешние события не затрагивают однако господства в Бра-

зили белых пид неграми и метисами, хотя белые составляют менее одной трети населения. И лишь под давлением внутренней борьбы против правительств в 1871 г. объявлено уничтожение рабства, но с возмещением рабовладельцам из государственной казны. Парламент однако, являющийся орудием плантаторов, отказывается вводить эти суммы на возмещение, и рабство продолжает существовать. В 1886 г. издается приказ об освобождении рабов в возрасте от 60 лет, остальным предложено ждать еще около 17 лет. Но в 1888 г. династическая партия, борющаяся за удержание власти, форсирует в парламенте всеобщее упразднение рабства без компенсации, и это решает судьбу республиканского движения. Плантаторы становятся толпой под республиканское знамя, и в 1889 г. совершают военный переворот и провозглашают Бразилию республикой.

Такова диалектическая картина внутренних отношений и событий в Южной Америке с момента возникновения «национального государства» и вступления во власть «воли народа». Великолепным дополнением к этой картине может послужить история Соединенных штатов Австралии. Едва только штаты вышли из положения заурядных английских колоний и добились независимости, — республиканской формы правления и федеративного устройства, — этих идеалов бакуининской фразеологии, как немедленно же стали проявлять захватническую политику в отношении Новых Гебридских островов и Новой Гвинеи и, умело копируя Соединенные штаты Северной Америки, объявляли при этом особую «национальную» доктрину: «Австралия должна принадлежать австралийцам». Сооружаемый в настоящую минуту флот Австралийского союза — выразительный комментарий к этой доктрине.

Если таким образом с точки зрения потребностей капитализма и классовых интересов буржуазии национальный вопрос принимает, естественно, для буржуазных классов формы политической независимости, т. е. национального государства, являющегося сейчас орудием господства и захвата, то интересам рабочего класса отвечает прежде всего культурная и демократическая сторона национального вопроса, а затем политические формы, гарантирующие свободное развитие этих сторон национальной жизни чисто оборонительным путем, без агрессивной национальной политики, в духе солидарного сожительства различных национальностей, исторически связанных в одно буржуазное государство. Гражданское равноправие национальностей и политические учреждения, обеспечивающие национально-культурное развитие — такова в общем виде естественная классовая программа пролетариата, вытекающая из его классовой позиции в отличие от национализма буржуазного.

О праве наций на самоопределение

I

В рядах международного социализма российская рабочая партия — единственная партия, программа которой содержит требование гарантирования «нациям права на самоопределение»; помимо же российской социал-демократии, эту формулу находим еще только в программе «русских социалистов-революционеров», у которых она сочетается с принципом государственного федерализма. Соответствующий пункт политической декларации партии социалистов-революционеров гласит: «возможно более широкое применение принципа федерализма в отношениях между отдельными национальностями; признание за ними неограниченного права на самоопределение».

Правда, вышеприведенная формула все же находится в связи с международным социализмом; она представляет собой парафразу одного пункта резолюции по национальному вопросу, принятой в 1896 г. международным социалистическим и рабочим конгрессом в Лондоне.

Однако, обстоятельства, способствовавшие принятию последней резолюции, и ее формулировка отчетливо показывают, что было бы неверно рассматривать параграф 9-й программы российской партии, как применение лондонской резолюции.

Лондонская резолюция отнюдь не была просто результатом желания или необходимости вообще высказаться на международном конгрессе по национальному вопросу; еще менее следует думать, будто она была внесена или принята в качестве формулы фактического разрешения этого вопроса рабочими партиями разных стран. Лондонская резолюция была принята в ответ на предложение, внесенное на конгрессе социал-патриотической частью польского движения, т. е. «Польской социалистической партии» (ППС), предложение, настаивавшее на признании международным социализмом величайшей важности восстановления независимости Польши.

Это предложение гласило:

«Принимал во внимание, что порабощение одного народа другим в интересах только капиталистов и деспотов в то же время в одинаковой мере вредно трудящимся массам как народа угнетаемого так и угнетающего; что российский царизм, черпая свои силы внутри страны и свое значение за границей в угнетении и разделении Польши, является постоянной угрозой развития международного рабочего движения. — конгресс заявляет, что независимость Польши является необходимым политическим требованием как всего международного рабочего движения, так и польского пролетариата».

Под влиянием критики этого предложения на конгрессе польской социал-демократией, а также дискуссии, в этой связи поднятой в социалистической печати, и особенно под впечатлением первого проявления массового рабочего движения в России, — памятной стачки 40 тысяч рабочих по производству волокнистых веществ в Петербурге в мае 1896 г., международный конгресс не согласился с польским предложением, и своей аргументацией и всем характером своим направленным против русского революционного движения. Вместо этого предложения была принята упомянутая «лондонская резолюция», обозначавшая таким образом отклонение предложения о восстановлении Польши:

«Конгресс, — говорит резолюция, — объявляет, что он стоит за полное право самоопределения всех наций и выражает свое сочувствие рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под игмом военного, национального или другого абсолютизма; конгресс призывает рабочих всех этих стран вступить в ряды классово-сознательных рабочих всего мира, чтобы вместе бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии».

Как видим, лондонская резолюция в сущности заменяет обособленное рассмотрение польского вопроса общим вопросом о праве всех угнетенных национальностей, перенося при этом проблему с плоскости национальной в плоскость интернациональную, а вместо определенного, совершенно конкретного требования практической политики, чего добивалось предложение ППС, т. е. восстановления независимой Польши, резолюция высказывает общий социалистический принцип, сочувствие пролетариату всех угнетенных национальностей и признание за ними права на самоопределение. Не подлежит ни малейшему сомнению, что данный принцип в формулировке, данной конгрессом, отнюдь не собирался преподать международному рабочему движению практических указаний на предмет разрешения национальной проблемы. Наоборот, практические указания лондонской резолюции социалистической политике отчетливо выражены не в приведенной первой, а во второй части, той, которая «призывает рабочих всех стран (находящихся под национальным гнетом) вступить в ряды международной соц.-дем. и работать над осуществлением ее принципов и целей». Этим совершенно недвусмысленно подчеркивается, что принцип, сформулированный в первой части резолюции, «право наций на самоопределение», сможет быть осуществим лишь путем осуществления принципов и целей международного социализма и лишь после достижения его конечных целей¹.

¹ См. у Ленина, ниже, с. 271 и сл., где открывается подлинный смысл резолюции Лондонского конгресса и предшествовавшей ей дискуссии.

В самом деле, ни одна из социалистических партий и не рассматривала лондонскую резолюцию как практическое разрешение национальной проблемы и не включала в качестве таковой в свою программу. В частности, не сделала этого австрийская социал-демократия, для которой разрешение национального вопроса являлось вопросом жизни; вместо этого она составила для своего собственного употребления уже упоминаемую нами практическую «национальную программу» в 1899 г.¹; характернее всего, что ЦПС этого не сделала, так как, вопреки ее усилиям распространить версию, будто лондонская резолюция сформулирована в «духе» социал-патриотизма, было слишком очевидно, что эта резолюция скорее всего является отклонением предложения о восстановлении Польши или, по крайней мере, полным его разжижением в обобщенной формуле, лишенной практического содержания. (Лишь ЦПС прусской части Польши сочла возможным включить лондонскую резолюцию в свою программу на время конфликта с немецкой социал-демократией. После вторичного воссоединения с немецкой партией ЦПС приняла безоговорочно Эрфуртскую программу). И во существу политические программы современных рабочих партий имеют целью не объявлять абстрактные принципы социалистического идеала, а формулировать те практические социальные и политические реформы, в которых нуждается и которых добивается сознательный пролетариат в рамках буржуазного общества ради облегчения своей классовой борьбы и своей конечной победы. Основоположения политической программы сформулированы с той определенной целью, чтобы давать непосредственное практическое и осуществимое в условиях буржуазного строя разрешение жгучих проблем социальной и политической жизни, вторгающихся в сферу классовой борьбы пролетариата, чтобы руководить политикой каждого дня и ее нуждами, чтобы будить и направлять в соответствующую сторону политическое действие рабочей партии, чтобы охранять, наконец, революционную политику пролетариата от политики буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Ясно, что формула о «праве наций на самоопределение» этого характера полностью лишена. Она не дает никаких реальных указаний для политики пролетариата и равно — никакого разрешения практических интернациональных задач. Эта формула не показывает, например, российскому пролетариату практических способов борьбы за разрешение польской национальной проблемы, финляндской, кавказской, еврейской и т. д.; она, скорее, только предоставляет неограниченные полномочия каждой из заинтересованных «наций» решать свои национальные дела, как каждой из них заблагорассудится. Единственный практический

¹ Ср. однако «фактическую программу» Ленина, (выше с. 257) указывающую на то, что отдельные национальные части старой австрийской с.-д. выставили в своей программе требование национальной самостоятельности.

вывод, который можно извлечь из данной формулы в интересах каждодневной политики рабочего класса, — это указание на обязательное устранение всяких элементов привазиан национального гнета. Раз мы признаем право каждого народа на самоопределение, то очевидно, что, оставаясь логичными, мы должны осудить всякую попытку определения судеб одного народа другим, насильственного предписывания одному народу другими тех или иных форм национального бытия. Однако обязанность классовой партии пролетариата протестовать и бороться с национальным угнетением вытекает вовсе не из какого-то особого «права народов», точно так же, как например, стремление пролетариата к социализму и политическому равноправию полов не вытекает из каких-то особых «прав женщины», к которому взывает движение буржуазных эмансипаток, — эта обязанность вытекает из общей борьбы с классовым строем, со всякой формой социального неравенства и социального господства, словом, из самой принципиальной позиции социализма. К тому же данное указание практической политике имеет чисто отрицательный характер. Обязанность бороться со всякими видами национального угнетения еще несколько не говорит о том, каких отношений, каких политических форм разрешения польского, латышского, еврейского вопросов должен добиваться в настоящее время сознательный пролетариат России, какую программу должен он противопоставить в условиях современной классовой и партийной борьбы различным программам — буржуазным, националистическим и псевдонационалистическим. Коротко, — формула о «праве народов на самоопределение» в корне своем есть не политическое и программное указание, как разрешить национальную проблему, а своего рода обход этой проблемы¹.

II

Уже общий и шаблонный характер пункта 9-го программы российской социал-демократической рабочей партии говорит, что подобное разрешение проблемы чуждо позиции марксистского социализма. «Право народов, как право любых народов, любых стран и любого периода в равной мере, есть не что иное, как метафизическая формула, вроде «права человека» и «права гражданина». Диалектический материализм, базис научного социализма, раз навсегда порвал с подобными «вечными» формулами. Диалектика показала, что нет «вечных» истин и следовательно нет и вечных «прав», что, говоря словами Энгельса, «то, что здесь и сейчас — добро, тогда и там — зло, и наоборот», то что разумно и справедливо в одних условиях, то становится несправедливостью и чепухой — в других. А исторический материализм учит нас, что о реальной сущности этих «вечных»

¹ Ср. у Ленина, там же, с. 258 и сл. о «Практицизме в национальном вопросе».

исти, прав и формул всякий раз выносят заключение не что другое, как материальны и социальные отношения данной среды в данную историческую эпоху.

Стоя на этой точке зрения, научный социализм подверг ревизии целую сокровищницу демократических формул и идеологической метафизики, унаследованных от буржуазии. «Демократия», «гражданская свобода», «равенство» и т. п. прекрасные вещи давно перестали быть в глазах современной социал-демократии заоблачными истинами и правами, вознесенными в надчеловеческие и вневременные сферы.

Наоборот, марксизм их исследует и трактует исключительно как выражения некоторых определенных исторических отношений, как категории, подвергающиеся в своем материальном содержании, а следовательно — политическом, вечной смене, которая и является со своей стороны единственною «вечной» истиной.

Когда Наполеон или другой деспот этого же рода поддается плебисциту¹, этой крайней формой политической демократии, ради целей пезаризма, эксплуатируя при этом темноту и экономическую зависимость народных масс. — мы не колеблясь, со всей решительностью выступаем против подобной «демократии» — и нас ни в малейшей степени не смущает величие народного всемогущества, величие, становящееся чем-то вроде неприкосновенного фетиша для метафизиков буржуазной демократии.

Когда немецкий Тессендорф², парский жалдарм, либо «истинно-польский» народный демократ, защищает «особую свободу» штрейкбрехеров, охраняя их от морального и материального давления со стороны организованных рабочих, мы не колеблясь ни минуты, признаем за последним право — и моральное и историческое — силой принудить своих несознательных конкурентов к солидарности, хотя с точки зрения формального либерализма на «свободу труда» существует несомненное право «свободной личности» поступить так, как ей подсказывает ее разум — или недомыслие.

Когда, наконец, либералы манчестерской школы добиваются во имя «гражданского равенства» полного предоставления рабочего своей судьбе в борьбе с капиталом, мы вскрываем эту метафизическую фразу, под которой кроется самое яркое экономическое неравенство и прямо требуем государственно-правовой охраны класса наемных рабочих, откровенно нарушая этим формальное «равенство перед законом».

¹ Имеется в виду плебисцит, устроенный Наполеоном III в присоединенных к Франции после войны Франция и Италии (Пьемонт) против Австрии (1859) итальянских провинциях Савойя и Ницца в целях обоснования фактически совершенной ликвидации в этих странах.

² Тессендорф Г.—немецкий юрист (1831—1893), занимал ряд видных судебных должностей, крайний реакционер.

Национальная проблема не может явиться исключением из всех политических проблем, социальных и моральных, рассматриваемых социализмом под этим углом зрения, и ее нельзя разрешить с помощью какого-нибудь общего шаблона, хотя бы им была так прекрасно звучащая формула — «право всех народов на самоопределение». Эта формула либо вообще ничего не говорит, являясь пустой и ни к чему не обязывающей фразой, либо выражает безоговорочное обязательство социалистов поддерживать любое национальное стремление — и в таком случае она просто ложна.

Уже по общему принципу исторического материализма отношение социалистов к национальным задачам зависит прежде всего и в каждом данном случае от конкретных обстоятельств, весьма отличных друг от друга в разных странах, и, сверх того, с течением времени в каждой стране подвергающихся значительным изменениям. Достаточно даже поверхностного знания фактов, чтобы согласиться с тем, что проблема национальной борьбы в недрах Османской империи на Балканах имеет совершенно другой облик, другую экономическую и историческую основу, другое международное значение, другие перспективы, нежели борьба ирландцев против владычества Англии, а запутанность взаимоотношений национальностей, входящих в состав Австрии, совершенно отлична от тех условий, которые образуют польскую проблему. Точно так же в каждой стране характер национального вопроса меняется со временем. — за переменной должно идти и изменение в его оценке. Даже наши три национальных движения, начиная войной Костюшко¹, могут казаться трехкратным стереотипным повторением одного и того же исторического факта, а именно — «борьбы угнетенного народа за независимость». — лишь в глазах метафизика шляхетско-католической идеологии вроде Шуйского, верящего в миссию Польши быть «Христом народов»², либо в глазах невежд из современной социал-патриотической «школы». Но тот, кто скальпелем исследователя, особенно исследователя исторического материализма, проникает поглубже поверхности наших трех национальных движений, тот обнаружит под нею три совершенно отличных социально-политических движения, лишь благодаря внешним условиям всякий раз принимавших одинаковую форму борьбы против нападающих. Мерить одной меркой «священных прав угнетенного народа» и войны Костюшко, и ноябрьское восстание и январское — значит отказаться от всякой оцен-

¹ Имеются в виду три польских восстания 1794, 1830—31 и 1863 гг.

² После подавления Николаем первого польского восстания в 1831 г. среди польской дворянской интеллигенции, эмигрировавшей в Париж, получило распространение мистическое учение о польском мессианизме — польской мировой миссии как народа искупителя; наиболее видным идеологом этого учения был мистик Топицкий.

ки, значит проявить полнейшее отсутствие исторической и политической критики...

Формула о «праве народов» недостаточна для обоснования позиции социалистов в национальных вопросах не только потому, что она оставляет без внимания многообразие исторических условий (места и времени) в каждом данном случае и не считается с общим направлением всемирных отношений, но и потому, что она совершенно игнорирует основную теорию современного социализма — теорию классового общества.

Говоря о «праве народов на самоопределение», мы создаем понятие о «народе», как чем-то целом, как о монолитной целостности — социальной и политической. Между тем такое представление о «народе» является одной из тех категорий буржуазной идеологии, которые марксизм подверг радикальной ревизии, показав, что за этой туманной завесой «народ», как и за понятиями о «гражданской свободе», о «равенстве перед законом», скрывается всякий раз совершенно определенное историческое содержание.

В классовом обществе не существует «народа» как монолитной социально-политической единицы; каждый народ разбит на классы с противоречивыми интересами и «правами». Нет буквально в настоящее время такой области, от грубейших материальных отношений до тончайших моральных, где класс имущих и сознательный пролетариат занимали бы одну и ту же позицию, выступали бы в качестве одной нераздельной «национальной» целостности. В области экономических отношений буржуазные классы представляют на каждом шагу интересы прибыли, а пролетариат интересы труда. В сфере правовых отношений краеугольным камнем буржуазного общества является частная собственность, а интерес пролетариата требует эмансипации неимущего человека из-под власти собственности. В области судопроизводства буржуазное общество представляет «справедливость» классовую, справедливость сытых и управляющих, пролетариат защищает принципы гуманности и вскрывает влияние среды на индивидуума.

В отношениях международных буржуазия представляет политику войны и захвата, а в современной фазе — систему таможенных пошлин и экономических войн, пролетариат же политику всеобщего мира и свободной торговли¹.

В сфере социальных наук и философии буржуазные школы и школы, выражающая позицию пролетариата, находятся в явном противоречии друг с другом: классы имущие и их мировоззрение представлены идеализмом, метафизикой, мистицизмом, эклектизмом, современный же пролетариат имеет свою школу — диалектический материализм. Даже в сфере от-

¹ Т. е. свободной от протекционистских пошлин, представляющих цель обеспечения прибылей отечественной промышленной буржуазии — *Сост.*

пошений, обычно именуемых общечеловеческими, — в этике, во взглядах на искусство, на воспитание — интересы, мировоззрения и идеалы буржуазии, с одной стороны, и соответствующие идеалы и мировоззрения сознательного пролетариата, — с другой, — представляют собой два лагеря, разделенных глубокой пропастью. Там же, где формально стремления и интересы пролетариата и буржуазии в целом или передовой части ее кажутся тождественными либо общими, как например, в области демократических стремлений, там под одинаковостью форм и лозунгов кроется полное различие по существу.

В таком общественном строе не может быть и речи о всеобщей и монолитной воле, о самоопределении «народа». Если мы и наблюдаем в истории современных обществ «национальные» движения и борьбу за социальные интересы, то это — обычно — классовое движение господствующего слоя буржуазии, который в данном случае может до известной степени представлять интересы и других слоев населения, поскольку под видом «национальных интересов» он защищает прогрессивные формы исторического развития и поскольку класс трудящихся еще не выделил себя из масс «народа», ведомого буржуазией, в самостоятельный сознательный политический класс. В этом смысле французская буржуазия по праву выступала в Великой революции в качестве третьего сословия от имени французского «народа», и даже немецкая буржуазия в 1848 г. еще могла в некоторой степени рассматриваться в качестве представителя немецкого «народа», хотя «Коммунистический манифест» и отчасти «Новая рейпская газета» являлись уже форпостами отдельной классовой политики пролетариата Германии. В обоих случаях это обозначало лишь, что классовое революционное дело буржуазии в тоглашней стадии общественного развития было одновременно и делом целого слоя населения, составлявшего еще вместе с буржуазией по отношению к господствующему феодализму — единую политическую массу.

Уже это обстоятельство показывает, что оперирование «национальными правами» не может быть руководящим для позиции социалистической партии в национальном вопросе. Самое существование такой партии есть доказательство того, что буржуазии перестала быть представительницей всей массы населения, что класс пролетариата уже не причется в складках буржуазии, что он отделился от нее как самостоятельный класс с особыми социальными и политическими стремлениями. Поскольку отличие понятие о «народе», о «правах» и «воле народа», как чего-то единого, является, как мы уже показали, пережитком времени несозревшего и неосознанного антагонизма между пролетариатом и буржуазией, то применение этого понятия классово сознательным и самостоятельно организованным пролетариатом было бы разительной нелепостью, не нелепостью с точки зрения школьной логики, а нелепостью исторической.

Итак в национальном вопросе при современном общественном строе

социалистическая партия должна прежде всего считаться с классовыми противоречиями. Чешская национальная проблема равно представляется младочешской буржуазии и чешскому пролетариату; точно так же мы не найдем такого разрешения польской национальной проблемы, которое одинаково устраивало бы и г. Костельского и его батрака в Милославле, варшавскую и лодзинскую буржуазию и одновременно сознательных польских рабочих. А еврейская проблема совершенно по-разному отображается в концепциях еврейской буржуазии и сознательного революционного пролетариата. Национальный вопрос, как всякий другой общественный и политический вопрос, есть прежде всего для социал-демократии вопрос классовых интересов.

С точки зрения мистически-сентиментального социализма, имевшего хождение в Германии сороковых годов прошлого века, представленного «истинными» социалистами Карлом Грюном и Моисеем Гессом¹, задача социалистов — это стремление ко всему прекрасному и хорошему. А позднейший вождь ППС Лимаковский², опираясь на эти положения, соединил, например, польский социализм с задачей восстановления Польши при помощи такого хода мыслей: социализм несомненно прекрасная идея, патриотизм — не менее прекрасная идея, и следовательно «почему бы не сочетаться вместе двум таким прекрасным идеям».

Единственным здоровым зерном, кроющимся в этом сентиментальном социализме, является утопическая народная на верную идею, что социалистический строй как конечная цель стремлений пролетариата, разрушив классы, впервые в истории классового общества даст гарантию осуществления высочайших всечеловеческих идеалов в области взаимоотношений внутри общества.

И в этом именно ценность, таким именно является по существу смысла принципа, установленного международным Лондонским конгрессом, и выше цитированной резолюции. «Право народов на самоопределение» перестает быть фразой только в том общественном строе, в котором не будет пустым звуком и «право на труд». Социалистический строй, который в корне уничтожит не только господство одного общественного класса над другими, но само существование общественных классов и их противоречия, самое деление общества на классы с различными интересами и стремлениями, этот-то лишь строй осуществит общество, как сумму

¹ Грюн Карл (1813—1893), Гесс Моисей (1812—1875)—представители так называемого истинного социализма—в действительности нигде не чуждой смеси утопизма, идеализма и элементов марксизма, которую они противопоставляли материалистическому учению Маркса—*ест.*

² Лимаковский Болеслав (род. в 1835)—польский писатель и политический деятель. Вождь социал-демократической партии «ППС», был в ссылке на севере России и в эмиграции. Автор книги «Патриотизм и социализм» и ряда других трудов. В настоящее время—член польского сената.—*Сост.*

индивидуумов, связанных гармонией и солидарностью интересов и, следовательно, как монолитное целое, с общей организованной волей и возможностью ее осуществлять. Только социалистический строй осуществляет одновременно и «народ», как единую волю, и создает материальные условия для свободного самоопределения, поскольку вообще в том строе народы будут отдельными общественными организациями, а не сольются, как полагает Каутский, в единый народ.

Одним словом, лишь тогда общество получит фактическую возможность свободно решать вопрос о своем национальном бытии, когда получит возможность сознательно определять свое экономическое бытие, сознательно определять условия своего производства.

«Народы» окажутся господами своего исторического бытия лишь тогда, когда человеческое общество окажется владыкой общественного процесса.

Уже поэтому хотя бы совершенно не выдерживает критики аналогия, которую сторонники «права народов на самоопределение» иногда проводят между этим «правом» и всякими демократическими требованиями, как право на свободу слова, свободу печати, союзов и собраний. Точно так же, как признание права на свободу организаций — так рассуждают они — является нашей обязанностью, как партии политической свободы, и это нам нисколько не мешает бороться с организациями враждебных нам буржуазных партий, так и признание «права народов» не обязывает нас к поддержке любого способа «самоопределения» народов, но является демократической обязанностью. От этого взгляда совершенно ускользает то обстоятельство, что кажушиеся аналогичными «права» эти лежат в совершенно различных исторических плоскостях. Право союзов, собраний, слова, печати и т. д. суть правильно сформулированные формы бытия созревшего буржуазного общества. Между тем как «право народов на самоопределение» — лишь метафизическая формула идеи, в буржуазном обществе абсолютно неосуществимая, — осуществляемая лишь на основе социалистического строя.

В практике сегодняшнего дня социализм менее всего — собрание всяческих мистических «благородных» и «прекрасных» стремлений, оп — политическое выражение совершенно определенных отношений, а именно — классовой борьбы современного пролетариата против власти буржуазии и его стремления к установлению диктатуры своего класса в целях отмены нынешней формы производства. В этом главная великая задача социалистической партии пролетариата, и она определяет ее отношение ко всем отдельным проблемам современной жизни.

Социал-демократия — классовая партия пролетариата. Ее историческая задача — служить выразителем классовых интересов пролетариата и вместе с тем интересов революционного развития капиталистического общества по пути к осуществлению социализма. И поэтому дело социал-

демократии не осуществлять право народов на самоопределение, а право на самоопределение класса трудящихся, эксплуатируемых и угнетаемых — пролетариата. И с этой точки зрения социал-демократия рассматривает все без исключения социальные и политические проблемы, и с этой же точки зрения формулирует свои программные требования. Ни по вопросу политических форм, которых мы добиваемся в государстве, ни в вопросах государственной внутренней и внешней политики, ни в вопросах судопроизводства, школ, налогов, военных — социал-демократии не предоставляет «народу» права решать свои судьбы, подчиняясь причуде или «самоопределению». Однако условия национально-политического и национально-культурного бытия вторгаются в сферу классовых интересов пролетариата не менее, чем и все перечисленные проблемы; наоборот, между этими вопросами и условиями национально-политическими и национально-культурными возникает обычно теснейшая связь взаимозависимости и причинности. Ввиду этого, социал-демократия и здесь не может избежать обязанности формулировать эти стремления и действительно добиваться тех форм национально-политического и культурного бытия, которые ближе всего отвечают интересам пролетариата и его классовой борьбы в данной стране и в данный период времени и одновременно интересам революционного развития общества, а не представлять все эти проблемы на разрешение «нации».

Все это становится абсолютно ясным, лишь только мы переводим проблему с заоблачных высей абстракция на почву конкретных отношений.

«Народ должен обладать «правом» на самоопределение». Но кто такой этот «народ», и кем уполномочен, кто посит это «право» называться выразителем воли «народа»? Каким образом узнать, что действительно хочет народ? Разве существует хотя бы одна политическая партия, которая не твердила бы, что именно она — в противовес всем прочим — является истинной выразительницей воли «народа», между тем как все они лишь фальшивое, ложное выражение воли народной. Все буржуазно-либеральные партии по природе вещей считают себя воплощением воли народа, они взяли в неограниченную монополию представительство «народа». Но в не меньшей мере, и в некотором смысле с не меньшим правом, на исключительное представительство воли и интересов народных претендуют также партии консервативные и реакционные. Несомненным выражением воли французского народа была Великая французская революция, а Наполеон, опрокинувший дело революции переворотом 18 брюмера, обосновал всю свою государственную реформу ссылкой — дословно — на *volonté générale* (всеобщую волю)¹.

¹ По учению Руссо (1712—1788), «всеобщая воля», носителем которой является весь общественный коллектив в целом, является высшим источником права и власти.

В 1848 г. «воля народа» выдвинула сперва республику и временное правительство, затем и Народное собрание, а к концу — Людовика Бонапарта, который кассировал и республику, и временное правительство и Народное собрание. Во время русской революции либерализм требовал именем народа «надетского» правительства, абсолютизм именем того же народа требовал еврейских погромов, а революционное крестьянство, выражая свою волю народную, сжигало помещичьи усадьбы. В Польше воля народа взята в аренду партией черной сотни, «Народной демократией»¹, которая именем «самоопределения народов» натравливала «народовых» рабочих на убийство из-за угла рабочих-социалистов.

«Истинная» воля «народа» разделяет таким образом судьбу подлинного перстня в леслиговской легенде о Натане Мудром: она утеряна, и теперь ее почти уже не смыслить и не отличить от фальшивых и поддельных². Демократический принцип дает как будто способ определения желанья большинства.

Народ желает того, чего желает его большинство. Однако горе той социалистической партии, которая когда-либо сочтет этот принцип мерилем для себя: это равносильно смертному приговору самой себе. Социал-демократия, по природе вещей, — партия, представляющая и интересы огромного большинства народа. И тем не менее, поскольку речь идет о проявлении воли в буржуазном обществе, она покамест является партией меньшинства, которая лишь стремится пока к тому, чтобы стать партией большинства, вовсе не отражая в своих стремлениях, в своей политике, в своей программе волю большинства народа, наоборот, становясь на путь выражения сознательной воли лишь класса пролетариата. Но даже в пределах этого класса социал-демократия не является и не претендует на то, чтобы являться выразительницей воли его большинства, — она выражает лишь волю передового, наиболее революционного слоя крупно городского промышленного пролетариата, и эту-то волю она старается распространять, открыть ей путь к большинству трудящихся, разъясняя им их собственные интересы. «Воля народа» или его большинство социал-демократии вовсе не кажутся божеством, перед которым надо смиренно склоняться. Наоборот, вся историческая задача социал-демократии заключается прежде всего в революционизировании, выработке воли «народа», т. е. его трудящегося большинства. Те же традиционные формы сознания, которые большинство народа, а следовательно и класс трудящихся, обнаруживает в условиях буржуазного общества, обычно яв-

¹ Реакционная партия в русской Польше, представлявшая интересы крупной буржуазии.

² Ср. у Ленина, книга, с. 248 «Именно Роза Люксембург постоянно сбивается на общие рассуждения о самоопределении (вплоть даже до словесного заблуждения умствования о то), как узнать волю народа, не ставя себе ясно и точно вопроса, в юридических определениях суть дела или в опыте национальных движений всего мира».

яются формами буржуазного сознания, враждебного идеалам и стремлениям социализма. Даже в Германии, где социал-демократия — сильнейшая из всех политических партий, собирающая три с четвертью миллиона избирателей, она составляет меньшинство по сравнению с 8 миллионами избирателей, отдающих голоса буржуазным партиям, и с 13 миллионами избирателей вообще. Статистика парламентских избирателей дает, правда, не вполне точное, но все же до некоторой степени правильное представление о соотношении сил в мирное время.

Немецкий народ, следовательно, «самоопределяется» в настоящее время таким образом, что в большинстве своем избирает консерваторов, клерикалов и либералов и вручает им свои политические судьбы. И та же картина, но еще в более резком виде, свойственна всем другим странам¹.

¹ Ленин, т. XIX, с. 76, отвечает Семковскому на аналогичные рассуждения: «Как быть, если реакционеры в большинстве?» спрашивает г. Семковский. Вопрос достойный гимназиста 3-го класса... Г. Семковский задает праздный, пустой, не ведущий к делу вопрос на тех, про которые говорят, что «семь дураков могут больше спрашивать, чем семьдесят умных отвечать». Когда реакционеры составляют большинство при демократическом голосовании, что вообще бывает и может быть «одно из двух: либо решение реакционеров проводится в жизнь, и его вредные последствия отталкивают массы более или менее быстро на сторону демократии против реакционеров; либо конфликт демократии с реакционерами решается гражданской или иной войной, которая возможна (даже Семковские слышали напервое об этом) и при демократии».

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От составителей	3
РАЗДЕЛ I	
Нация (Вводная статья)	5
И. В. Сталин. Нации и национальное движение	11
О. Евуэр. Что такое нация?	18
Н. Каутский. Нация	40
Ф. Зигельс. Предпосылки образования национальных государств	54
Г. Сафров. Государства национальностей	58
И. В. Сталин. Критика австрийской теории наций	66
Н. Каутский. Национальность и раса	70
РАЗДЕЛ II	
Маркс и Энгельс о национальном вопросе (Вводная статья)	87
РАЗДЕЛ III	
II Интернационал о национальном и колониальном вопросе	112
РАЗДЕЛ IV	
Э. Пернерсторфер. Национализм и интернационализм	123
Бebel и Фольмар. Пролетариат и отечество	132
В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов	134
РАЗДЕЛ V	
Национальный вопрос и пролетариат в буржуазно-демократической революции (Вводная статья)	137
И. В. Сталин. Национальный гнет и пролетариат	142

Рейнер. Персональный принцип решения национального вопроса в Австрии	146
О. Буэр. Персональная автономия	152
Медем. О культурно-национальной автономии	156
И. В. Сталин. Критика австрийской национальной программы	172
Резолюция по национальному вопросу, принятая на совещании Центрального комитета РСДРП с партийными работниками летом 1913 г.	185
В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу	187
Н. Каутский. Национальное государство.	207
Р. Люксембург. Право наций на самоопределение и пролетариат	215
Н. Радек. Национальное государство и пролетариат	242
В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение	247

РАЗДЕЛ VI

Национальный вопрос в период империалистической войны (Вводная статья)	284
Г. Нунов. О праве на самоопределение	288
Э. Давид. Социал-демократия и колониальная политика империализма	298
Ленч. «Басня о самоопределении».	295
В. И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы)	300
Империализм и национальное учтение	312
В. И. Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении	325
Пятаков и Бухарин. Империализм и «самоопределение»	356
В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм	361
Р. Люксембург. О национальных войнах в эпоху империализма	382
В. И. Ленин. Национальные войны в эпоху империализма	392
Национальный вопрос на апрельской конференции РСДРП (большевиков) в 1917 г.	400